

ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА «ГОТОВНОСТЬ РОССИЯН К ВЫХОДУ НА ПЕНСИЮ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ЭМПИРИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ПРОБЛЕМА»

УДК 159.9

ГРНТИ 15.41.21

ПОСТПЕНСИОННАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК ПРЕДИКТОР ВОСПРИЯТИЯ СТАРЕНИЯ

© 2026 г. М.Д. Петраш*, К.М. Крупина**

** Кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский университет, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: m.petrash@spbu.ru*

*** Аспирант, ассистент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский университет, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: k.m.krupina@spbu.ru*

Исследования занятости людей пенсионного возраста приобретают особую значимость в современном обществе. Это связано не только с демографической ситуацией, но и с тем, что работа на пенсии играет важную роль в концепции активного долголетия. Целью представленного исследования является изучение роли мотива постпенсионной занятости во взаимосвязи с текущей ситуацией профессионального развития и восприятием старения. Выборка составили 189 человек из разных регионов Российской Федерации, все работающие возраст 20 до 70 лет. Методы: опросник «Факторы профессионального развития» М.Д. Петраш; опросник «Профессиональное выгорание» в адаптации Н.Е. Водопьяновой; методика «Восприятие старения» (АРQ) в адаптации Петраш и др., (2024). Выявлена большая выраженность параметров профессионального развития и низкие значения по профессиональному выгоранию в группе с мотивацией постпенсионной занятости, детерминированной интересом. Респонденты, не

планирующие продолжать профессиональную деятельность, имеют более негативное представление о старении; участники с вынужденным мотивом, склонны объяснять изменения в здоровье исключительно старением. Установлено дифференцированное влияние характера мотива постпенсионной деятельности на параметры профессионального развития, компоненты профессионального выгорания, шкалы восприятия старения «негативный контроль», «изменения, обусловленные старением». Выделены профили профессионального развития в зависимости от характера мотива постпрофессиональной занятости и соотнесены с профилями восприятия старения. Структурная модель продемонстрировала двойственный эффект фактора профессионального развития: с одной стороны, как защитный механизм, с другой — как катализатор, усиливающий позитивные установки на старение.

Ключевые слова: мотив постпенсионной занятости, ситуация профессионального развития, восприятие старения, профессиональное выгорание, структурная модель, профили профессионального развития, профили восприятия старения

ВВЕДЕНИЕ

Современная демографическая ситуация, связанная с увеличением продолжительности жизни, стала одним из направлений, которое пользуется особым вниманием со стороны научного сообщества. Очевидно, что такая тенденция влечет за собой преобразовательные процессы, связанные с профессиональной деятельностью, в части ее продолжительности после выхода на пенсию.

Современный пенсионер отличается своей активной жизненной позицией, желанием исследовать новое, как правило — это люди, открытые новому опыту, стремящиеся к взаимодействию с представителями других поколений. Активная жизненная позиция отмечается и в части профессиональной деятельности. Выбор постпенсионной занятости — не просто экономическая необходимость, **это фактор, оказывающий существенное влияние на психологическое благополучие и качество жизни. Сегодня можно сказать, что период старения уже не воспринимается как период глубокого покоя после активной деятельности, как «время тишины», а «пенсионная черта», воспринимавшаяся как финишная в профессиональной деятельности, часто становится новой отправной точкой в трудовой деятельности.**

Исследователи, занимающиеся проблемой старения, отмечают, что у современного человека появляется возможность создания своей индивидуализированной траектории старения, отличной от сложившего стереотипизированного образа жизни после выхода на пенсию (Григорьева, Сизова, 2018). **Мы полагаем, что выбор вышеописанной траектории определяет, в первую очередь, его восприятие**, связанное с качеством жизни (Velaithan et al., 2023); физическим и психическим здоровьем (Brothers et al., 2021; Swift, Steeden, 2015); а также с самооценкой здоровья, продолжительностью жизни, когнитивным функционированием (Tully-Wilson et al., 2021). Известно, что позитивное восприятие старения способствует лучшей устойчивости (Zhang et al., 2023); ведению здорового образа жизни (Levy, Myers, 2004); тогда как негативное восприятие связывают с ухудшением здоровья и функционирования (Barker et al., 2007; Robertson et al., 2015); ощущением отсутствия контроля над жизнью (Sexton et al., 2014); сокращением активности (Robertson, Kenny, 2016; Diehl D., Wahl, 2024). Не менее важно и то, что негативное представление о старении может отрицательно сказываться на планировании данного этапа жизни (Brothers et al., 2021; Rothermund, de Paula Couto, 2024).

Формирование представлений о старении происходит на начальных этапах жизненного пути по мере когнитивного осмысления возрастных изменений, происходящих в соматическом и психологическом здоровье, социальной жизнедеятельности (Новоселов, 2022). Представление о старении, включающее ожидания относительно собственного будущего, приобретают особую значимость в контексте данного исследования ввиду их вариативности в зависимости от возраста и мотивации (желание продолжать профессиональную деятельность после выхода на пенсию). Подобные убеждения способны оказывать регулирующее воздействие на качество жизни в пожилом возрасте через выбор предпочитаемого образа жизни (Swift, Steeden, 2015). Отмечая возрастающий исследовательский интерес к данной проблеме, следует отметить, что влияние конкретных форм активности, в частности,

постпенсионной занятости, на восприятие собственного старения остается малоизученным, что обуславливает необходимость его комплексного научного осмысления.

Продолжение профессиональной деятельности в пожилом возрасте является важным компонентом «продуктивного старения», в котором ключевую роль играет состояние здоровья (Greengross et al., 2012). Исследования подтверждают обозначенную взаимосвязь, например, известно, что ухудшение здоровья, ведет к более негативному восприятию старения (Cramm, Nieboer, 2017). Результаты современных исследований, изучающих влияние трудовой активности на жизнедеятельность человека, подтверждают, что участие в продуктивной деятельности замедляет возрастное снижение функциональных способностей организма (Dommaraju, Wong, 2021). Согласно исследованию Дубовик Ю.В., работающие люди пожилого возраста демонстрируют более высокий уровень социальной адаптированности, отличаются выраженным интернальным локусом контроля и низким уровнем депрессивности (Дубовик, 2012). С другой стороны, ряд авторов отмечают снижение адаптивности работников по мере увеличения их возраста, что выражается в снижении интереса к профессиональному будущему, уровня контроля и любознательности (Van der Horst, Klehe, Van der Heijden, 2017). В свою очередь, снижение интереса к профессиональной деятельности и удовлетворенности ею может привести к выгоранию, которое может стать причиной симптомов депрессии и тревожных расстройств (Leiter et al., 2014). Следует отметить и обратный эффект: среди множества факторов, детерминирующих желание продолжать профессиональную деятельность, ученые выявили удовлетворённость трудом и привлекательность профессии (Федосеенко, 2018). В случае, когда возникает необходимость (по разным причинам, в т.ч. и выход на пенсию), покинуть профессиональную среду, в которой находился человек длительный период, ему необходимо адаптироваться и проявить социальную включенность иным образом, что

может сопровождаться различными переживаниями, тревогой, растерянностью (Демидов, 2005).

Опираясь на анализ литературы, посвященной проблеме восприятия старения и особенностям постпенсионной занятости, мы предположили, что удовлетворенность профессиональной жизнью в настоящем, будет способствовать позитивному восприятию старения, а также конструктивной мотивации продолжать трудовую активность после выхода на пенсию, а сочетанное их влияние на формирование позитивного профиля восприятия старения.

МЕТОДЫ И ВЫБОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие респонденты (N=189) в возрасте от 20 до 70 лет, проживающие в разных регионах Российской Федерации, в том числе 20,1% — мужчин, 79,9% женщин. Для реализации поставленной цели вся выборка была разделена на 3 группы в зависимости от мотива продолжения профессиональной деятельности после выхода на пенсию: 1 группа — не планируют работать на пенсии (N=34), 2 группа — планируют работать вынужденно (в силу финансовых и др. причин) (N=35); 3 группа — планируют продолжить работу в пожилом возрасте, т.к. им интересно (N=120).

Методики. Для анализа ситуации профессионального развития мы использовали методики: опросник «Факторы профессионального развития» (ФПР) М. Д. Петраш (2015); опросник «Профессиональное выгорание» в адаптации Н. Е. Водопьяновой. Для оценки представления о старении — методика «Восприятие старения» (APQ) в адаптации М.Д. Петраш и др. (2024).

Методы математической статистики: описательная статистика; однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA); многомерный дисперсионный анализ MANOVA; структурное моделирование.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

С целью выявления особенностей профессионального развития в зависимости от мотива продолжения деятельности после выхода на пенсию был проведен сравнительный анализ (ANOVA). Результаты дисперсионного анализа показали статистически значимые различия по параметрам ФПР: «целеустремленность», «удовлетворенность профессиональной деятельностью», «адаптация», «восстановление» и общему показателю, а также по компонентам профессионального выгорания «эмоциональное истощение», «деперсонализация», «редукция личных достижений» с наибольшей выраженностью факторов профессионального развития и низкими значениями по синдрому выгорания в третьей группе, участники которой намерены продолжать трудовую деятельность после выхода на пенсию, руководствуясь интересом к своей профессии (табл. 1).

Другими словами, респонденты, намеревающиеся работать на пенсии в силу интереса, демонстрируют более высокий уровень к профессиональному росту, достижению намеченных целей, а также большую удовлетворенность работой и легкость адаптации в коллективе, способность к восстановлению после нагрузок на работе по сравнению с теми, кто не планирует работать на пенсии. Помимо этого, у них отмечается более высокий уровень стрессоустойчивости и восстановления после рабочих нагрузок.

Таблица 1

Данные сравнительного анализа (ANOVA) факторов профессионального развития и параметров профессионального выгорания в группах с разной мотивацией постпенсионной занятости

Название шкал	Группа 1 не планируют работать	Группа 2 планируют (вынужденно)	Группа 3 планируют (интересно)	F	p
	m(sd)	m(sd)	m(sd)		
Факторы профессионального развития					
Целеустремленность	16,76 (3,06)	17,48 (3,45)	19,01 (3,13)	8,078	0,000
Удовлетворенность проф. деятельностью	19,29 (4,35)	18,48 (4,06)	21,74 (4,49)	9,541	0,000
Адаптация	11,5 (2,26)	11,2 (2,29)	12,83 (1,84)	12,168	0,000

Контроль поведения	11,47 (1,98)	12,3 (2,26)	12,2 (2,05)	1,744	0,178
Восстановление	14,94 (3,37)	14,54 (3,18)	16,39 (3,12)	6,050	0,003
ФПР общий показатель	73,97 (8,95)	74,0 (10,50)	82,15 (10,56)	13,808	0,000
Параметры профессионального выгорания					
Эмоциональное истощение	24,32 (11,40)	24,6 (12,98)	17,56 (9,29)	9,575	0,000
Деперсонализация	10,71 (6,38)	10,63 (7,12)	7,68 (5,76)	5,163	0,007
Редукция личных достижений	26,15 (11,65)	23,37 (10,73)	30,32 (9,99)	6,860	0,001

Показано, что для респондентов первой и второй групп (не планируют продолжать профессиональную деятельность и планируют вынужденно, соответственно) более характерно состояние физического и эмоционального напряжения, дистанцированная позиция от работы и коллег, а также негативная оценка своих профессиональных достижений.

Анализ параметров профессионального развития и профессионального выгорания в выделенных группах позволил выделить профили постпрофессиональной деятельности в зависимости от характера мотива (рис. 1).

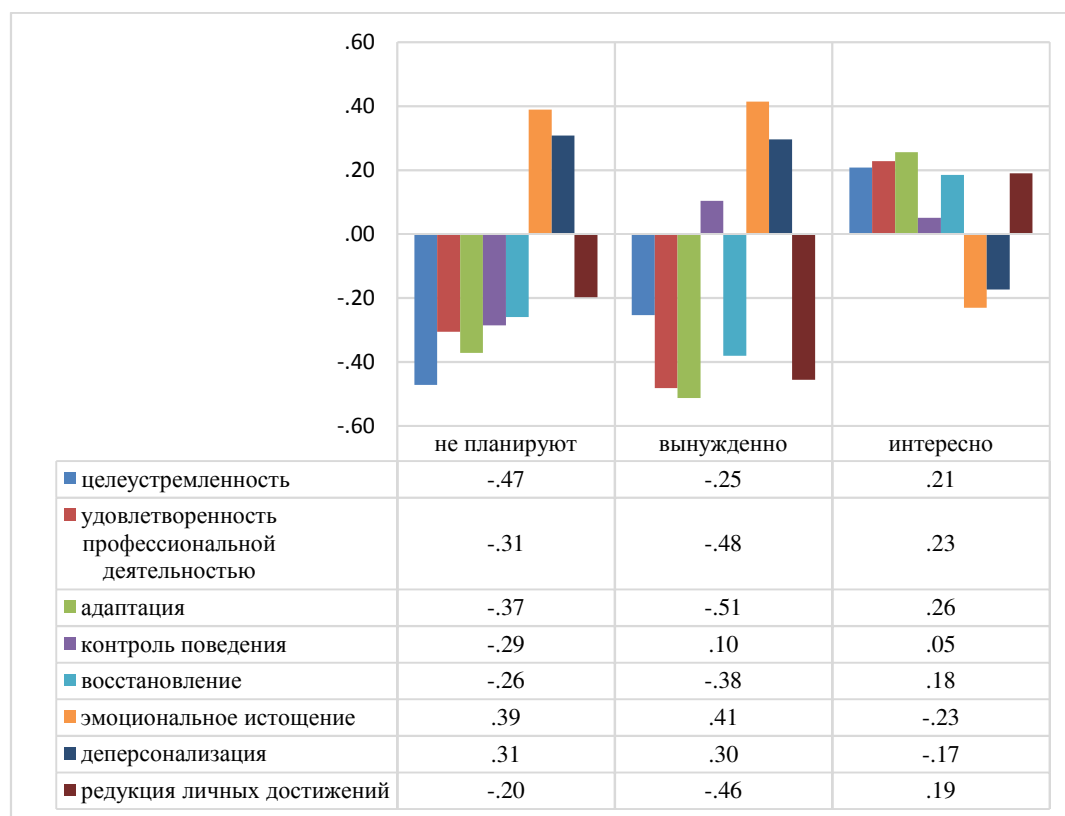

Рис. 1. Средние значения характеристик профессионального развития (z-оценки)

Профиль респондентов, *не планирующих* трудовую деятельность после выхода на пенсию, отличается низкими значениями всех параметров профессионального развития, при этом, уровень профессионального выгорания повышен по всем компонентам синдрома: эмоциональному истощению, деперсонализации и редукции личных достижений (поскольку показатель имеет обратные значения, низкие значения говорят о высоком уровне редуцирования). Ситуацию профессионального развития в данной группе можно охарактеризовать как кризисную. Самые низкие значения в группе показаны по целеустремленности и эмоциональному истощению, что позволяет определить профиль как «апатический».

Для представителей с *вынужденной* мотивацией постпенсионной занятости характерны средне-низкие значения параметров профессионального развития, за исключением «контроля поведения» и высокие по профессиональному выгоранию. В данном профиле прослеживается напряженность, являющаяся результатом высоко контроля поведения, что может указывать на факт мощной волевой регуляции у людей, вошедших в группу: с одной стороны — низкая удовлетворенность и адаптация, с другой — высокий контроль поведения. Ситуация профессионального развития — дискомфортная. Поскольку в группе показаны самые низкие значения по адаптации к профессиональной среде и удовлетворенности профессиональной деятельностью, а также редукции личных достижений, данный профиль можно назвать как «дезадаптивный».

Участники, заинтересованные в продолжении профессиональной деятельности после выхода на пенсию, имеют высокие значения по всем параметрам профессионального развития и низкий уровень профессионального выгорания. Такую ситуацию профессионального развития мы можем охарактеризовать как благоприятную, а профиль - «гармоничный».

Сравнительный анализ параметров восприятия старения выявил различия по «негативному контролю», «негативным последствиям» и параметру «изменений, обусловленных старением» (табл. 2).

Таблица 2

Данные сравнительного анализа (ANOVA) параметров восприятия старения в группах с разной мотивацией постпенсионной занятости

Название шкал	Группа 1 не планируют работать	Группа 2 планируют (вынужденно)	Группа 3 планируют (интересно)	F	p
	m(sd)	m(sd)	m(sd)		
Негативные последствия	3,5 (0,6)	3,42 (1,02)	3,03 (0,9)	5,377	0,005
Позитивный контроль	3,88 (0,7)	3,9 (1,01)	4,08 (0,7)	1,334	0,266
Эмоциональные представления	3,29 (0,7)	3,35 (0,9)	3,1 (0,8)	1,652	0,195
Нестабильный образ	3,45 (0,6)	3,58 (0,9)	3,69 (0,8)	1,196	0,305
Позитивные последствия	3,42 (0,8)	3,10 (1,2)	3,50 (0,9)	2,355	0,098
Негативный контроль	2,78 (0,9)	3,04 (1,03)	2,53 (0,93)	4,302	0,015
Проявления старения	12,6 (5,05)	12,8 (4,19)	11,8 (4,82)	0,852	0,428
Изменения, обусловленные старением	4,38 (4,8)	7,4 (5,01)	4,72 (5,16)	4,225	0,016

Респонденты, не планирующие продолжать профессиональную деятельность на пенсии, имеют более негативное представление о старении: они в большей степени убеждены в том, что контроль над жизнью в пожилом возрасте затруднен, и старение имеет отрицательные последствия для различных сфер жизни. При этом, уровень «изменений, обусловленных старением», выше у тех, кто вынужден планировать продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию: то есть, участники данной группы (гр.2) склонны объяснять изменения, связанные с состоянием здоровья, исключительно фактором старения.

В таблице 3 представлены частоты, которые отмечали участники исследования в группах с разной мотивацией постпенсионной занятости. В разделе «проявления старения» отмечены те проблемы со здоровьем, которые, по мнению респондентов, характерны для данного периода; в части «изменения, обусловленные старением» (ИОС) — изменения, которые объяснялись исключительно старением (значения от 60% и более). Практически по всем позициям участники всех групп отметили проблемы со здоровьем, характерные в старости. Иная ситуация по ИОС. Участники первой и третьей групп считают, что проблемы со здоровьем в период старения связаны не только

с инволюционными процессами, происходящими в данный период, но не исключают влияние других факторов, например, образа жизни. Среди респондентов, заявивших о вынужденной трудовой активности после выхода на пенсию (2 группа), распространено мнение, что источником проблем, связанных опорно-двигательным аппаратом, является исключительно возраст (старение). По оставшимся позициям не исключается влияние других факторов.

Таблица 3

Описательные статистики изменений, связанных со здоровьем в группах с разной мотивацией постпенсионной занятости

Изменения, связанные со здоровьем	Проявления старения (%)				Изменения, обусловленные старением (%)			
	группы			p	группы			p
	1	2	3		1	2	3	
1. Проблемы с весом	73,5	71,4	65,8		8,8	31,4	11,7	0,008
2. Проблемы со сном	73,5	74,3	74,2		20,6	28,6	15,0	
3. Проблемы со спиной или межпозвоночными дисками	97,1	85,7	83,3		32,4	42,9	24,2	
4. Боль в суставах	82,4	88,6	86,7		32,4	54,3	34,2	
5. Трудности передвижения	82,4	85,7	73,3		44,1	68,6	34,2	0,001
6. Потеря веса	47,1	40,0	55,8		5,9	20,0	10,0	
7. Потеря сил (слабость)	79,4	91,4	82,5		26,5	48,6	38,3	
8. Замедление	88,2	91,4	82,5		44,1	80,0	51,7	0,004
9. Судороги	55,9	54,3	41,7		11,8	22,9	15,8	
10. Кости и суставы	73,5	88,6	80,8		29,4	60,0	35,0	0,013
11. Проблемы с сердцем	76,5	80,0	72,5		38,2	42,9	31,7	
12. Проблемы со слухом	70,6	88,6	76,7		26,5	57,1	44,2	0,035
13. Проблемы со зрением	82,4	94,3	86,7		32,4	57,1	45,0	
14. Проблемы с дыханием	67,6	65,7	65,0		26,5	42,9	25,0	
15. Проблемы с ногами	79,4	88,6	75,8		32,4	54,3	31,7	0,044
16. Депрессия	58,8	37,1	34,2	0,033	17,6	8,6	10,0	
17. Тревожность	67,6	62,9	43,3	0,013	8,8	20,0	15,0	

Примечание: 1 группа — не планируют работать после выхода на пенсию; 2 группа — планируют вынужденно; 3 группа — планируют, т.к. интересно.

Статистически значимые различия выявлены по показателям депрессии и тревожности в части «проявления старения», выраженность которых больше в группе респондентов, не планирующих работать после выхода на пенсию. Все значимые различия в части ИОС, касающихся изменений в опорно-двигательном аппарате, а

также проблем с весом, слухом и зрением, имеют наибольшую выраженность у респондентов, мотивация постпенсионной занятости которых носит вынужденный характер. Выявленные особенности в восприятии старения у представителей с разной мотивацией постпенсионной занятости позволили выделить специфические особенности для каждой из групп.

Респонденты, *не планирующие* работать после выхода на пенсию, характеризуются высоким уровнем негативных последствий, негативного контроля и негативного эмоционального представления, в то время как нестабильный образ, позитивный контроль и позитивные последствия имеют низкую выраженность, что указывает на устойчивое негативное представление о старении, а также склонность к обуславливанию изменений, происходящих в здоровье, старением. Данный профиль может быть обозначен как негативно-депрессивный.

Для участников с *вынужденной* мотивацией характерно негативное представление о старении: у них повышен негативный контроль, отмечается высокая негативная модальность в отношении образа старения (эмоциональные представления), а также интенсивная выраженность ИОС (изменения, обусловленные старением). Профиль интерпретируется как тревожный.

В сравнении с двумя другими группами, для представителей, заинтересованных в продолжении профессиональной деятельности после выхода на пенсию, характерно более оптимистичное представление о старении. Они имеют высокие показатели позитивного контроля и последствий, образ старости не сформирован. Профиль восприятия старения обозначается как оптимистичный.

С целью изучения взаимосвязи мотивационного (продолжать деятельность после выхода на пенсию «работа на пенсии») и возрастного факторов на текущую ситуацию профессионального развития мы использовали многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) (табл.4). Результаты показали влияние фактора «работа на пенсии» ($\lambda=0,597$; $p=0,000$) на параметры профессионального развития: «целеустремленность»,

«удовлетворенность профессиональной деятельностью (УПД)», «адаптация», «восстановление»; на составляющие выгорания «эмоциональное истощение», «деперсонализация», «редукция личных достижений», а также на показатели восприятия старения: «негативный контроль» и «изменения, обусловленные старением». Обнаружено влияние фактора «возраст» ($\lambda=0,552$; $p=0,015$) на «контроль поведения». Сочетанный фактор «возраст*работа на пенсии» ($\lambda=0,631$; $p=0,198$) усиливает влияние по «эмоциональному истощению».

Таблица 4

Результаты MANOVA для параметров профессионального развития, эмоционального выгорания и представления о старении по факторам «Работа на пенсии», «Возраст» и «Работа на пенсии» × «Возраст»

Параметры	Работа на пенсии		Возраст		Работа на пенсии × Возраст	
	F	p	F	p	F	p
Параметры профессионального развития						
Целеустремленность	7,358	0,001	2,139	0,078	1,669	0,109
Удовлетворенность профессиональной деятельностью	7,756	0,001	1,685	0,156	0,791	0,611
Адаптация	9,912	0,000	0,237	0,917	0,987	0,448
Восстановление	4,161	0,017	1,304	0,271	1,334	0,230
Общий показатель (ФПР)	10,342	0,000	0,524	0,719	1,093	0,370
Параметры «Эмоционального выгорания»						
Эмоциональное истощение	11,552	0,000	0,434	0,784	2,790	0,006
Деперсонализация	3,913	0,022	0,264	0,901	1,045	0,405
Редукция личных достижений	6,950	0,001	0,140	0,967	1,359	0,218
Показатели восприятия старения						
Негативный контроль	3,587	0,030	0,940	0,442	1,777	0,085
Изменения, обусловленные старением	4,991	0,008	0,829	0,508	0,906	0,513

Примечание: F – критерий (базовый показатель значимости), p – уровень значимости.

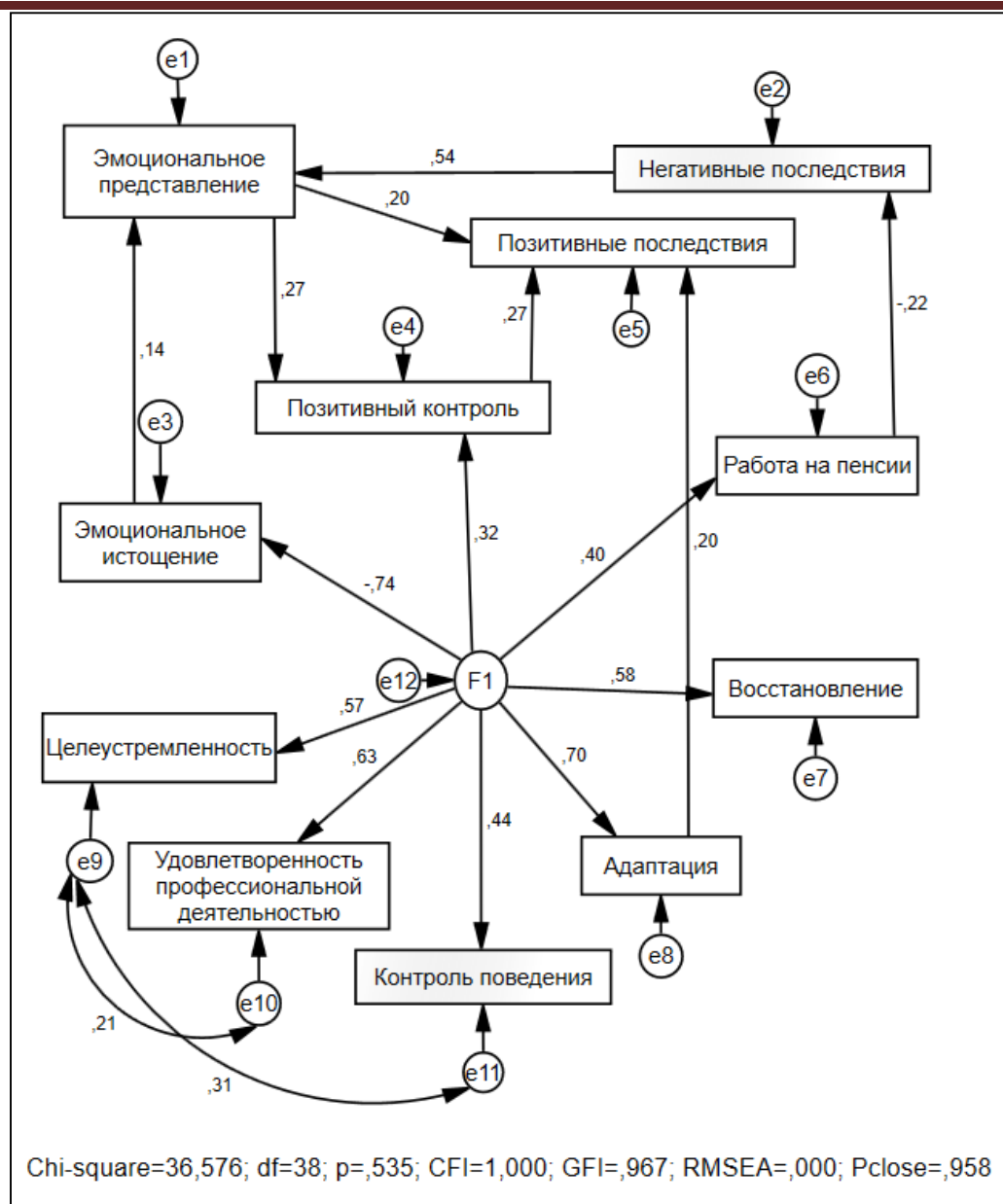
Установлено, что фактор «работа на пенсии» оказывает дифференцированное влияние на параметры профессионального развития, компоненты профессионального выгорания, шкалы восприятия старения «негативный контроль», ИОС. Наиболее благоприятная оценка ситуации профессионального развития, отсутствие

профессионального выгорания отмечаются в группе респондентов, чья мотивация к постпенсионной деятельности обусловлена интересом к профессии. Негативный контроль в восприятии старения и высокие показатели ИОС — в группе тех, кто вынужден продолжать трудовую деятельность после выхода на пенсию. Влияние фактора «возраст» не выявлено. Сочетанный фактор «работа на пенсии × возраст» оказывает влияние на эмоциональное истощение: повышение значения параметра отмечается у представителей возрастной группы 60-75 лет, не планирующих работать, а понижение у тех, кто планирует постпенсионную деятельность вынужденно.

Для определения роли мотива постпенсионной занятости в связи с профессиональным развитием и восприятием старения, мы применили подход моделирования структурными уравнениями (SEM) (Рис. 6). Критерии представленной модели находятся в допустимых пределах, модель эмпирически подтверждается (хи-квадрат=36,576; df=38; $p=0,535$; CFI=1,000; GFI=0,967; RMSEA=0,000; PCLOSE=0,958).

В качестве латентной переменной F3 выступал фактор профессионального развития, включающий эмпирические шкалы, характеризующие текущую ситуацию профессионального развития.

Модель обнаружила эффект негативного влияния латентной переменной «профессиональное развитие» на эмоциональное истощение, которое, в свою очередь, снижает выраженность негативной модальности в отношении старения («эмоциональное представление») и прямое (положительное) влияние на позитивный контроль и на позитивные последствия. То есть, благоприятная ситуация профессионального развития снижает уровень эмоционального истощения, и, через него, понижению негативных эмоциональных представлений о старении. С учетом того, что «эмоциональное представление» имеет прямое влияние на позитивный контроль и позитивные последствия, убежденность в позитивных последствиях старения для различных сфер жизни, в позитивном контроле старения будет снижаться.

Примечания: χ^2 — критерий хи-квадрат, df — количество степеней свободы; p — вероятность; CFI — сравнительный индекс соответствия, GFI — критерий согласия, $RMSEA$ — среднеквадратичная ошибка аппроксимации, $Pclose$ — индекс близости модели исходным данным

Рис. 2. Структурная модель параметров профессионального развития, эмоционального выгорания и восприятия старения

С другой стороны, фактор профессионального развития $F3$ напрямую повышает параметр позитивного контроля, а фактор адаптации усиливает влияние на позитивные последствия. Также следует отметить прямое влияние $F3$ на параметр мотивации постпенсионной занятости («работа на пенсии»), снижающего негативные последствия и далее, через негативные последствия — негативные эмоциональные представления о

старении. Таким образом, убежденность в позитивных последствиях и позитивном контроле старения, что характеризует позитивное восприятие старения (Barker et al., 2007), формируется не через негативные эмоции в отношении старения (т.е. не компенсаторно), а непосредственно через благополучную ситуацию профессионального развития и с качеством мотивации.

В представленной модели проявляется двойственный эффект латентного фактора профессионального развития (F3): с одной стороны, его можно рассматривать в качестве защитного механизма, снижающего негативные аспекты восприятия старения; с другой — катализатора, усиливающего позитивные установки на старение. Антистрессовый эффект F3 проявляется в снижении параметра профессионального выгорания «эмоциональное истощение», который далее ведет к понижению негативных модальностей, связанных со старением («эмоциональное представление»). Ресурсная роль F3 проявляется в прямом влиянии на позитивный контроль: чем благополучнее ситуация профессионального развития, тем выше ощущение контроля над процессом старения. С другой стороны — позитивная оценка текущей ситуации профессионального развития напрямую усиливает желание продолжать профессиональную деятельность после выхода на пенсию, руководствуясь внутренней мотивацией (интересом). В свою очередь, высокая мотивация продолжать работать на пенсии, снижает страх перед «негативными последствиями» старения, что еще больше уменьшает негативные эмоции по поводу данного периода. Помимо изучения мотивационного эффекта постпенсионной занятости, представленная модель показала дополнительный эффект, а именно: при благоприятной ситуации профессионального развития в настоящем у взрослого человека формируется установка на продуктивное старение.

В рамках данного исследования рассмотрен вопрос о роли выбора мотива планирования профессиональной деятельности после выхода на пенсию в контексте текущей ситуации профессиональной деятельности и восприятия старения. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что характер мотивации к постпенсионной

занятости выступает дифференцирующим фактором, определяющим три профиля профессионального развития и восприятия старения. Рассмотрены три варианта мотивов: отсутствие мотива на продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию (не планируют работать), вынужденная занятость (мотив, обусловленный внешними обстоятельствами) и мотив, детерминированный интересом к профессии (внутренний мотив).

В случае завершения трудовой деятельности у респондентов диагностируется «Апатический» профиль профессионального развития, характеризующийся кризисной ситуацией профессиогенеза, подтверждающийся снижением всех параметров профессионального развития и повышением компонентов выгорания. В качестве проблемных зон выступают «целеустремленность» и «эмоциональное истощение», что свидетельствует об утрате смысложизненных ориентаций в профессиональной сфере и истощении эмоционального ресурса. «Негативно-депрессивный» профиль восприятия старения сопровождается пессимистичным взглядом на старение (негативные последствия), невозможностью влиять на происходящее и склонностью объяснять изменения здоровья исключительно возрастным фактором.

При вынужденной позиции в отношении постпрофессиональной занятости у респондентов отмечается «Дезадаптивный» профиль, отличающийся внутриличностной конфликтностью: на фоне средне-низких показателей удовлетворенности профессиональной деятельностью и адаптации отмечается самый высокий уровень контроля поведения. Актуализация волевых процессов («контроль поведения») можно рассматривать как компенсаторную стратегию, позволяющую сохранять включенность в профессиональную деятельность. Высокий уровень выгорания в сочетании с выраженным «контролем поведения» позволяет квалифицировать профиль как «дезадаптивный». «Тревожный» профиль восприятия старения, характерный для данного вида мотивации, подтверждается высокой негативной модальностью

эмоциональных представлений об образе старости в сочетании с соматической фиксацией (высокий уровень ИОС).

«Гармоничный» профиль, детерминированный внутренним интересом к профессии, характеризуется благоприятной ситуацией профессионального развития, подтверждающаяся высокими значениями по параметрам профессионального развития и низкими по выгоранию. Профиль отражает сбалансированность профессиональной самореализации и психоэмоционального состояния. «Оптимистичный» профиль восприятия старения опосредствуется верой в контроль над своей жизнью (позитивный контроль), отсутствием жестко сформированного негативного образа старости.

Выделенная типология подтверждает гипотезу о том, что ключевым предиктором успешности профессиональной самореализации является не сам факт продолжения профессиональной деятельности, а качество мотивации (внутренняя или внешняя \ вынужденная). Стоит отметить, что мотивация, детерминированная интересом к профессии, связана с удовлетворенностью текущей ситуацией профессионального развития, что подтверждается представленными данными (табл. 1), демонстрирующими высокую выраженность факторов профессионального развития в группе, участники которой намерены продолжать трудовую деятельность после выхода на пенсию в силу интереса.

В качестве обобщающего итога по структурной модели можно отметить, что профессиональное развитие выступает ресурсом для позитивного старения: формирует намерение продолжать работать на пенсии, что, в свою очередь, помогает структурировать будущее и снижать страхи; снижает эмоциональное истощение, что ведет к уменьшению тревоги в отношении старости; повышает веру человека в то, что он способен влиять на процесс старения. Таким образом, можно говорить о том, что нынешняя ситуация профессионального развития — основополагающий фактор для конструирования продуктивной старости в период взрослости. Профессиональное развитие играет ключевую роль в формировании планов на постпенсионную деятельность

и восприятие старения, взглядов на период старения как на этап активной жизни, развития и возможности внесения своего неоценимого вклада в жизнь общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, с одной стороны, подтвердило выдвинутое предположение о влиянии текущей ситуации профессионального развития и характера мотивации продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию на восприятие старения, с другой — поставило перед учеными новые исследовательские вопросы.

Во-первых, для более дифференцированной оценки характера мотивации постпенсионной занятости необходимо расширить перечень факторов, определяющих выбор — продолжать профессиональную деятельность или завершить ее, увеличить выборку с акцентом на возрастные периоды.

Перспективным направлением представляется изучение влияния субъективного возраста (Сергиенко, 2025), как на сам факт занятости, так и на выбор ее формы (полной, частичной, волонтерской и т.д.). Отдельное внимание заслуживают лонгитюдные исследования, позволяющие разобраться в механизмах изменения восприятия старения со временем. Нельзя не сказать о исследованиях, посвященных эйджизму на рабочем месте. Проблема восприятия возраста как фактора ограничения занятости в современном мире сохраняется и требует отдельных исследований, имеющих практическую направленность (Warhurst, Black, 2024).

В качестве ограничений исследования стоит отметить малочисленные возрастные группы, что, вероятно, отразилось на результатах, а также усеченный вариант использованной в работе шкалы, характеризующей мотивацию постпенсионной занятости.

ЛИТЕРАТУРА

- Головей Л.А., и др. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование) / Л.А. Головей, М.В. Данилова, Л.В. Рыкман, М.Д. Петраш, В.Р. Манукян, М.Ю. Леонтьева, Н.А. Александрова. СПб: Нестор-История, 2015. 306-311.
- Григорьева И.А., Сизова Л.И. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. Социология. Этнология, 2018. №2. С. 109-135. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135
- Демидов В.П. Старость как социально-философский феномен: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2005. 223 с.
- Дубовик Ю.Б. Психологическое благополучие в пожилом и старческом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2012. 230 с.
- Новоселов В.М. Страх старости и старения как психологическая проблема современного человека // Ученые записки Института психологии РАН, 2022. Т. 2, № 4. С. 36-44. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_04_04
- Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Крупина К.М. Адаптация русскоязычной версии опросника «Восприятие старения» Aging Perceptions Questionnaire (APQ) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, №2. С. 223-240. DOI: 10.21638/spbu16.2024.202
- Сергиенко Е.А. Субъективный возраст человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. 326 с. DOI: 10.38098/mng_25_0491
- Федосенко Е.В. Личность и профессия: к проблеме удовлетворенности трудом // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда, 2018. Т. 3, № 4. С. 90-114.
- Фролькис В.В. Старение и увеличение продолжительности жизни. Л.: Наука, 1988.
- Barber S.J. The Applied Implications of Age-Based Stereotype Threat for Older Adults // Journal of Applied Research in Memory and Cognition, 2020. V. 9, № 3. P. 274-285. DOI: 10.1016/j.jarmac.2020.05.002
- Barker M., O'Hanlon A., McGee H.M, Hickey A., Conroy R. M. Cross-sectional validation of the Aging Perceptions Questionnaire: a multidimensional instrument for assessing self-perceptions of aging // BMC Geriatrics, 2007. V. 7, № 9. DOI: 10.1186/1471-2318-7-9

- Brothers A., Kornadt A.E., Nehrkorn-Bailey A., Wahl, H.-W., Diehl M. The Effects of Age Stereotypes on Physical and Mental Health Are Mediated by Self-perceptions of Aging // *The Journals of Gerontology: Series B*, 2021. V. 76, №5. P. 845-857. DOI: 10.1093/geronb/gbaa176
- Cramm J.M., Nieboer A.P. Positive ageing perceptions among migrant Turkish and native / Dutch older people: a matter of culture or resources? // *BMC Geriatr*, 2017. V. 17, №1. P. 159. DOI: 10.1186/s12877-017-0549-6
- Diehl D., Wahl H.-W. Self-perceptions of aging: A conceptual and empirical overview // *Current Opinion in Psychology*, 2024. V. 55. DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101741
- Dommaraju P., Wong S. The concept of productive aging // *Assessments, Treatments and Modeling in Aging and Neurological Disease*. Academic Press, 2021. P. 3-11. DOI: 10.1016/B978-0-12-818000-6.00001-9
- Greengross S., Mizuta K., Forette F., Brieu M.-A. Healthy and Productive ageing: Barriers and incentives in the United Kingdom, Japan and France // *Productive Ageing Conditions and Opportunities*, 2012. P. 17-35.
- Leiter M.P., Bakker A.B., Maslach Ch. *Burnout at Work: A psychological perspective*. Publ.: Psychology Press, 2014. 182 p.
- Levy B.R., Myers L.M. Preventive health behaviors influenced by self-perceptions of aging // *Preventive Medicine*, 2004. V. 39, №3. P. 625-629. DOI: 10.1016/j.ypmed.2004.02.029
- Robertson D.A., Kenny R.A. "I'm too old for that" — The association between negative perceptions of aging and disengagement in later life // *Personality and Individual Differences*, 2016. V. 100. P. 114-119. DOI: 10.1016/j.paid.2016.03.096
- Robertson D.A., Savva G.M., King-Kallimanis B.L., Kenny R.A. Negative perceptions of aging and decline in walking speed: a self-fulfilling prophecy // *PLoS One*, 2015. V. 10, №4. DOI: 10.1371/journal.pone.0123260
- Rothermund K., de Paula Couto M.C.P. Age stereotypes: Dimensions, origins, and consequences // *Current Opinion in Psychology*, 2024. V. 55, article №101747. DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101747
- Sexton E., King-Kallimanis B.L., Morgan K., McGee H. Development of the Brief Ageing Perceptions Questionnaire (B-APQ): a confirmatory factor analysis approach to item reduction // *BMC Geriatrics*, 2014. V. 14, №44. DOI: 10.1186/1471-2318-14-44
- Swift H.J., Steeden B. *Exploring representations of old age and ageing. Literature review*. Place: Centre for aging better, 2015. 62 p.

- Tully-Wilson C., Bojack R., Millear P.M., Stallman H.M., Allen A., Mason J. Self-Perceptions of Ageing: A Systematic Review of Longitudinal Studies // Psychology and Aging, 2021. V. 36. P. 773-789. DOI: 10.1037/pag0000638
- Van der Horst A.C., Klehe U.-C., Van der Heijden B.I.J.M. Adapting to a looming career transition: How age and core individual differences interact // Journal of Vocational Behavior, 2017. P. 132-145. DOI: 10.1016/j.jvb.2016.12.006
- Velaithan V., Tan M.-M., Yu T.-F., Liem A., The P.-L., Su T.T. (2023). The Association of Self-Perception of Aging and Quality of Life in Older Adults: A Systematic Review // The Gerontologist. Article №gnad041. DOI: 10.1093/geront/gnad041
- Warhurst R., Black K. Theorising Later-Career as a Basis for Enhancing Inclusion and Extending Working Lives Through Human Resource Development // Human Resource Development Review, 2025. V. 23, №5. DOI: 10.1177/15344843241269166
- Zhang Z., Wang J., Ma B., Wang, J., Jia Yu., Chen O. Positive Self-perceptions of Aging Increase Physical Resilience to Facilitate Social Re-engagement of Older Adults Who Fall: Analysis Based on Health and Retirement Study Data // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation, 2023. V. 104, №8. P. 1253-1259. DOI: 10.1016/j.apmr.2023.02.006

Статья поступила в редакцию: 23.02.2026. Статья опубликована: 09.06.2026.

POST-RETIREMENT EMPLOYMENT AS A PREDICTOR OF PERCEPTION OF AGING

© 2026 M.D. Petrash*, K.M. Krupina**

** Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Differential Psychology, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: m.petrash@spbu.ru*

*** Postgraduate Student, Assistant Professor, Department of Developmental Psychology and Differential Psychology, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: k.m.krupina@spbu.ru*

Studies of the employment of people of retirement age are of particular importance in modern society. This is due not only to the demographic situation, but also to the fact that work in retirement plays a significant role in the concept of active longevity. The objective of the presented study is to investigate the role of the motive for post-retirement employment in relation to the current situation of professional development and the perception of aging. The sample consisted of 189 people from different regions of the Russian Federation, all working aged 20 to 70 years. Methods: questionnaire "Factors of Professional Development" by M.D. Petrash; questionnaire "Professional Burnout" adapted by N.E. Vodopyanova; the "Perception of Aging" (APQ) technique adapted by Petrash et al., (2024). A greater expression of professional development parameters and low values for professional burnout were revealed in the group with interest-driven motivation for post-retirement employment. Respondents who do not plan to continue their professional activities have a more negative perception of aging; Participants with a forced motive tend to attribute changes in health solely to aging. A differential influence of the nature of the post-retirement activity motive on professional development parameters, components of professional burnout, and the "negative control" and "changes caused by aging" aging perception scales was established. Professional development profiles were identified depending on the nature of the post-professional employment motive and correlated with aging perception profiles. The structural model demonstrated the dual effect of the professional development factor: on the one hand, as a protective mechanism, and on the other, as a catalyst, reinforcing positive attitudes toward aging.

Keywords: motive for post-retirement employment, situation of professional development, perception of aging, professional burnout, structural model, profiles of professional development, profiles of perception of aging

REFERENCES

- Golovej, L.A., Danilova, M.V., Ry`kman, L.V., Petrash, M.D., Manukyan, V.R., Leont`eva, M.Yu., & Aleksandrova, N.A. (2015). Professional`noe razvitie lichnosti: nachalo puti (e`mpiricheskoe issledovanie) [Professional development of the individual: the beginning of the journey (empirical research)]. (306-311). SPb: Nestor-Istoriya publ.
- Grigorieva, I.A., & Sizova, L.I. (2018). Traektorii stareniya zhenshhin v sovremennoj Rossii [Aging Trajectories of Women in Modern Russia]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 27(2), 109-135. (In Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135

- Demidov, V.P. (2005). Starost` kak social`no-filosofskij fenomen [Old age as a socio-philosophical phenomenon] *Doctor's thesis*. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod. (In Russian).
- Dubovik, Yu.B. (2012). Psixologicheskoe blagopoluchie v pozhilom i starcheskom vozraste [Psychological well-being in old age and old age]. *Doctor's thesis*. Moscow State Pedagogical University, Moscow. (In Russian).
- Novoselov, V.M. (2022). Strax starosti i stareniya kak psixologicheskaya problema sovremennogo cheloveka [Fear of old age and aging as psychological problem of modern man]. *Ucheny'e zapiski Instituta psixologii RAN [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]*, 2(4), 36-44. (In Russian). DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_04_04
- Petrash, M.D., Strizhiczskaya, O.Yu., & Krupina, K.M. (2024). Adaptaciya russkoyazy`chnoj versii oprosnika «Vospriyatie stareniya» Aging Perceptions Questionnaire (APQ) [Adaptation of the russian version of the aging perceptions questionnaire (APQ)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psixologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology]*, 14(2), 223-240. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu16.2024.202.
- Sergienko, E.A. (2025). Sub`ektivny`j vozrast cheloveka [Subjective age of a person]. Moscow: Institut of psychology RAS Publ. (In Russian). DOI: 10.38098/mng_25_0491.
- Fedosenko, E.V. (2018). Lichnost` i professiya: k probleme udovletvorennosti trudom [Personality and profession: to the problem of satisfaction with labor]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*. 3 (4), 90-114. (In Russian).
- Frolkis, V.V. (1988). Starenie i uvelichenie prodolzhitel`nosti zhizni [Aging and increasing lifespan]. Leningrad: Science publ. (In Russian).
- Barber, S. J. (2020). The Applied Implications of Age-Based Stereotype Threat for Older Adults. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 9(3), 274-285. DOI: 10.1016/j.jarmac.2020.05.002
- Barker, M., O'Hanlon, A., McGee, H.M, Hickey, A., & Conroy, R.M. (2007). Cross-sectional validation of the Aging Perceptions Questionnaire: a multidimensional instrument for assessing self-perceptions of aging. *BMC Geriatrics*, 7(9). DOI: 10.1186/1471-2318-7-9
- Brothers, A., Kornadt, A.E., Nehrkorn-Bailey, A., Wahl, H.-W., & Diehl, M. (2021). The Effects of Age Stereotypes on Physical and Mental Health Are Mediated by Self-

- perceptions of Aging. *The Journals of Gerontology: Series B*, 76(5), 845-857. DOI: 10.1093/geronb/gbaa176
- Cramm, J.M., & Nieboer, A.P. (2017). Positive ageing perceptions among migrant Turkish and native / Dutch older people: a matter of culture or resources? *BMC Geriatr*, 17(1), 159. DOI: 10.1186/s12877-017-0549-6
- Diehl, D., & Wahl, H.-W. (2024). Self-perceptions of aging: A conceptual and empirical overview, *Current Opinion in Psychology*, 55. DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101741
- Dommaraju, P., & Wong, S. (2021). *The concept of productive aging, Assessments, Treatments and Modeling in Aging and Neurological Disease*, Academic Press, 3-11. DOI: 10.1016/B978-0-12-818000-6.00001-9
- Greengross, S., Mizuta, K., Forette, F., & Brieu, M.-A. (2012). *Healthy and Productive ageing: Barriers and incentives in the United Kingdom, Japan and France, Productive Ageing Conditions and Opportunities*. A monograph, 17-35.
- Leiter, M.P., Bakker, A.B., & Maslach, Ch. (2014). *Burnout at Work: A psychological perspective*. Publ.: Psychology Press, 182.
- Levy, B.R. & Myers, L.M. (2004). Preventive health behaviors influenced by self-perceptions of aging. *Preventive Medicine*, 39(3), 625-629. DOI: 10.1016/j.ypmed.2004.02.029
- Robertson, D.A., & Kenny, R.A. (2016). "I'm too old for that" — The association between negative perceptions of aging and disengagement in later life. *Personality and Individual Differences*, 100, 114-119. DOI: 10.1016/j.paid.2016.03.096
- Robertson, D.A., Savva, G.M., King-Kallimanis, B.L., & Kenny, R.A. (2015). Negative perceptions of aging and decline in walking speed: a self-fulfilling prophecy. *PLoS One*, 10(4). DOI: 10.1371/journal.pone.0123260
- Rothermund, K., & de Paula Couto, M.C.P. (2024). Age stereotypes: Dimensions, origins, and consequences. *Current Opinion in Psychology*, 55, 101747. DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101747
- Sexton, E., King-Kallimanis, B.L., Morgan, K., & McGee, H. (2014). Development of the Brief Ageing Perceptions Questionnaire (B-APQ): a confirmatory factor analysis approach to item reduction. *BMC Geriatrics*, 14(44). DOI: 10.1186/1471-2318-14-44
- Swift, H.J., & Steeden, B. (2015). Exploring representations of old age and ageing. Literature review. Place: Centre for aging better, 62.

- Tully-Wilson, C., Bojack, R., Millea, P.M., Stallman, H.M., Allen, A., & Mason, J. (2021). Self-Perceptions of Ageing: A Systematic Review of Longitudinal Studies. *Psychology and Aging*, 36, 773-789. DOI: 10.1037/pag0000638
- Van der Horst, A.C., Klehe, U.-C., & Van der Heijden, B.I.J.M. (2017). Adapting to a looming career transition: How age and core individual differences interact. *Journal of Vocational Behavior*, 132-145. DOI: 10.1016/j.jvb.2016.12.006
- Velaithan, V., Tan, M.-M., Yu, T.-F., Liem, A., The, P.-L., & Su, T.T. (2023). The Association of Self-Perception of Aging and Quality of Life in Older Adults: A Systematic Review. *The Gerontologist*, gnad041, DOI: 10.1093/geront/gnad041
- Warhurst, R., & Black, K. (2025). Theorising Later-Career as a Basis for Enhancing Inclusion and Extending Working Lives Through Human Resource Development. *Human Resource Development Review*, 23 (5). DOI: 10.1177/15344843241269166
- Zhang, Z., Wang, J., Ma, B., Wang, J., Jia, Y., & Chen, O. (2023) Positive Self-perceptions of Aging Increase Physical Resilience to Facilitate Social Re-engagement of Older Adults Who Fall: Analysis Based on Health and Retirement Study Data. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, 104(8), 1253-1259. DOI: 10.1016/j.apmr.2023.02.006

The article was received: 23.02.2026. Published online: 09.06.2026.

Библиографическая ссылка на статью:

Петраш М.Д., Крупина К.М. Постпенсионная занятость как предиктор восприятия старения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда, 2026. Т. 11. № 2. С. 160–184. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2026_39_2_007

Petrash, M.D., Krupina, K.M. (2026). Postpensionnaya zanyatost' kak prediktor vospriyatiya stareniya [Post-retirement employment as a predictor of perception of aging]. Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]. 11(2). 160–184. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2026_39_2_007

Адрес статьи: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document1246.pdf>